

RU

Социально-политические взгляды Платона и Аристотеля в контексте современных представлений о природе политической коррупции

Везломцев В. Е.

Аннотация. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить несоответствие между двумя основными подходами определения коррупции – контекстуализмом и морализмом, – используя историческое сравнение понимания коррупции древнегреческими философами. В статье представлен анализ философских систем античных философов, соотносимый с актуальными подходами понимания коррупции. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые было показано, что древнегреческие мыслители в своих трудах доказывали априорность коррумпированности всех политических режимов, а верховенство закона рассматривали не как отсутствие коррумпированности правительства, а как практическое средство сдерживания коррумпированного поведения, препятствующее правителям принимать общезначимые решения в личных интересах. В результате было выявлено, что взгляды древнегреческих философов идут вразрез с моральным абсолютизмом современных дискуссий о коррупции.

EN

Plato's and Aristotle's Socio-Political Views in the Context of Modern Conceptions on Political Corruption Nature

Vezlomtsev V. E.

Abstract. The paper aims to reveal discrepancy of two basic approaches to defining corruption - contextualism and moralism. The study is based on comparing the ancient Greek philosophers' views on corruption. The article analyses philosophical systems of Ancient Greece taking into account modern understanding of corruption. Scientific originality of the research involves justifying the thesis that in the ancient Greek thinkers' works, any political regime is a priori considered corrupt, and supremacy of law is considered not as non-corruption in the government but as a practical means to prevent corrupt behaviour of power holders responsible for making national-scale decisions. As a result, the researcher concludes that the ancient Greek philosophers' views are not in tune with moral absolutism, the prevailing tone of modern discussions on corruption.

Введение

Актуальность данной темы определяется эскалацией интереса к такому социальному явлению, как коррупция. Для большинства людей, не вовлеченных в политику, основные проблемы, связанные с коррупцией, носят практический характер. Само это понятие конкретно по смыслу, так как обозначает соответствующие практики, такие как взяточничество, кумовство, фаворитизм и др. Общественная опасность таких практик воспринимается как самоочевидная, поскольку это формы проявления злоупотребления властью. Остается только открытым вопрос – как их «искоренить».

Однако для того, кто пытается изучать «коррупцию» как социальное явление, – это становится непростой задачей. Во-первых, коррупцию оказывается удивительно трудно определить в общих чертах, за исключением ряда явных примеров, таких как взяточничество, фаворитизм или кумовство. Эксперты расходятся во мнениях относительно того, какие виды деятельности следует считать коррупционными и следует ли рассматривать деятельность, признанную как коррупционную в одном политическом контексте, как некоррупционную в другом. Во-вторых, «коррупция» – это термин, который однозначно осуждается с этической точки зрения. Назвать человека коррупционером или практику – коррумпированной, значит назвать их выходящими за рамки морали.

Задачи данного исследования заключаются в том, чтобы: 1) определить специфику взглядов на коррупцию древнегреческих мыслителей Платона и Аристотеля; 2) показать их соотношение с современными взглядами на политическую коррупцию.

Методологическую основу работы составили комплексный и системный подходы. Решение поставленной цели и задач обусловило использование сравнительно-исторического метода, методов анализа и синтеза, исторической реконструкции, аналогии и др.

Теоретической базой исследования стали работы зарубежных авторов, посвященные проблемам политической коррупции: Пола Хейвуда [9], Арнольда Джозефа Хайденхаймера [8], Марка Филпа [11], Питера Де-леона [7] и др., а также работы отечественных авторов: С. В. Бондаренко [2], С. В. Максимова [3], В. Л. Римского [5] и ряда других.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов статьи в курсах по философии, а также в междисциплинарных исследованиях, связанных с изучением коррупции как социального явления.

Современные подходы к определению коррупции

Проблема определения коррупции хорошо изучена многими учеными. И все определения коррупции, которые они предлагают, в итоге различаются в зависимости от того, фокусируются ли они на ответственности и обязанностях государственных служащих и должностных лиц на соблюдении закона и установленных законом правил и ограничений или, в более широком смысле – на столкновении личных и общественных интересов. В научных трудах западных авторов, посвященных проблемам политической коррупции, наибольшую популярность имеет точка зрения, что коррупция – это действия, совершаемые в личных интересах и противоречащие интересам общественным [7, р. 13]. Определения коррупции, которые основываются на соответствии поведения конкретным правовым нормам, безусловно, дают возможность выделить ключевые факторы для выявления коррупционных действий отдельных политиков или должностных лиц. Однако такие определения слишком тесно связаны с конкретным институциональным контекстом. Можно расширить определение коррупции, включив в него «незаконное преследование личных интересов», и тем самым получить возможность понять, преследование каких именно личных интересов идет вразрез с существующими нормами и правилами. Но, по общему признанию, использование такого термина, как «незаконный» само по себе вызывает новые вопросы и не дает однозначного критерия, что считать действиями в личных интересах. Поэтому определение коррупции является таким спорным.

Отдельно можно выделить подход, в котором коррупция понимается через свою противоположность. Например, если мы хотим понять, что такое политическая коррупция, мы всегда должны начать с вопроса о том, как выглядит некоррупцированное, то есть «здоровое» правительство [11, р. 438].

В соответствии с приведенным выше определением, отсутствие коррупции подразумевает, что личные или частные интересы не должны превалировать над общественными интересами. В то же время, хотя общественные интересы должны преобладать, частные интересы не обязательно исключаются полностью. Но их удовлетворение должно быть законным. Правда, правила политического дискурса требуют, чтобы рассуждения о государственной политике выражались на языке общественного блага, а личные интересы подавлялись. В то же время никто не сомневается как в актуальности, так и в легитимности политического эгоизма. Объявить вне закона всякую корыстную политику означало бы исключить большую часть предвыборной агитации и лоббирования. Тогда возникает закономерный вопрос о том, какие практики переходят грань между законным и незаконным удовлетворением личных интересов? Когда лоббирование превращается во взяточничество, достижение соглашения становится сговором, а когда перераспределение ресурсов в пользу своих сторонников становится нарушением прав других людей? В данном контексте особенно дискуссионным становится вопрос о разнице между подарком и взяткой для государственного служащего. Ответить на это вопрос становится еще сложнее, если рассматривать его в межкультурном контексте, например в странах, где дарение подарков или предпочтение своим родственникам или этнической группе считается уместным и законным.

Важным моментом являются не столько расхождения во мнениях по поводу коррупции, сколько предпосылки, лежащие в основе таких разногласий. Любое реалистическое понятие коррупции должно признавать, что политики, чиновники и сами граждане не могут быть разумно мотивированы исключительно заботой об общем благе или общественных интересах. Вместо этого понятие общественного интереса институционализируется, скорее, как набор минимальных ограничений удовлетворения частных интересов [10, р. 18]. Таким образом, условие здоровой, то есть некоррупцированной политики – это не то государство, где каждый ориентирован на достижение только общественных интересов, а то, где удовлетворение личных интересов не должно выходить за определенные минимальные пределы общественных интересов. Там, где ограничения общественных интересов вступают в силу и заставляют частные интересы уступить место, возникает спор. Как уже отмечалось, граница между законным и незаконным удовлетворением личных интересов размыта и является дискуссионной. По сути, это некий баланс, достигнутый между конкурирующими ценностями: удовлетворением частных интересов, с одной стороны, и заботой об общественном благе – с другой.

Если разумную политику определить как компромисс между эгоизмом и заботой об общем благе, то коррупция – это чрезмерное смещение баланса в сторону эгоизма. Данный подход плохо согласуется с моралистическим подходом понимания коррупции. Коррупция, как уже отмечалось, несет в себе очень сильный

морализирующий подтекст, предполагающий как универсалистские стандарты добра и зла, так и чувство праведного негодования по поводу рассматриваемых практик. Назвать практику «коррупцированной» – значит безоговорочно осудить ее. И все же, как мы теперь видим, коррупция – это, вполне возможно, не столько «болезнь» в политическом теле, сколько дисбаланс между двумя законными интересами в обществе. Ретроспективный взгляд на данную проблему поможет нам лучше разобраться в данной проблеме.

Понимание коррупции древнегреческими мыслителями

В истории европейской мысли обсуждение справедливого (идеального) политического устройства сразу же наводит на мысль о греческих философах, в первую очередь о Сократе и Платоне, а также их непосредственных преемниках в позднеклассический и эллинистический периоды – всех, кто рассуждал о вопросах коррупции и коррупцированности политиков. Сократ отверг жизнь политика как несовместимую со стремлением к знанию и, таким образом, дал вдохновение для последующих философий, таких как кинизм, эпикурейство и более крайние версии стоицизма. Платон, в свою очередь, никогда не отрекаясь от мира политики, тем не менее, помещал его в низшую сферу своего дуалистического Мира. Политика была низведена до мира чувств, мира, подверженного неизбежным изменениям и разложению. Аристотель, хотя и менее скептически относился к миру перемен и случайностей, чем Платон, также никогда не отказывался от своей платонической приверженности превосходству вечного неизменного мира, доступного только чистому разуму. Человеческое общество всегда будет не совершенным и подвержено изменениям.

Таким образом, все эти философы придерживались той или иной формы онтологического дуализма, в котором мир чистой истины и добра противостоял низшему миру неопределенности и зла. С точки зрения их подхода к правительству и политике, этот дуализм принимал одну из двух форм. Более радикальный и соответственно парадоксальный путь, такой как путь киников, предполагал полное отрицание всякого правительства и, следовательно, отрицание всего человеческого общества как безнадежно ущербного. Менее радикальный подход, которому следовали Платон и Аристотель, состоял в том, чтобы разработать идеальную форму правления, которая каким-то образом включала бы в себя ценности безусловной истины и добра. Этот идеал, в свою очередь, обеспечивал стандарт, по которому можно было судить об эффективности существующих режимов и рекомендовать их улучшения. Для Платона таким идеалом является правление философов, как это изображено в «Государстве» [4, с. 286] и содержится в более позднем диалоге – «Законы» [Там же, с. 868].

Для Аристотеля лучшие виды государственного устройства – это царская власть и аристократия, так как они предполагают для своего осуществления наличие добродетели [1, с. 488]. Платон в «Государстве» показывает разницу между идеальным и низшим состояниями в терминах «распада» или «разрушения» [4, с. 358], используя древнегреческий термин “*pthora*”, позже латинизированный как “*corruptio*”. Так, идеальное государство проходит через ряд стадий упадка: тимократию, олигархию и демократию, достигая кульминации в тирании, которая является худшим режимом из всех. В других местах разница между идеальным и низшим выражается в различных образах. В «Политике», например, говорится, что худшие режимы могут подражать наилучшим государственным устройствам [Там же, с. 752] или что «надо отличать участников всех этих правлений от сведущего правителя, ибо они не государственные деятели, а нарушители порядка, защитники величайших химер; да и сами они всего лишь химеры, крупнейшие подражатели и шарлатаны...» [Там же, с. 755]. При помощи данных образов Платон показывает отношение между объектами чувств и объектами истинного знания. Аристотель в «Политике» использует другую терминологию: «правильные государственные устройства» и «ошибочные», или «отклонения от правильных» [1, с. 456]. Смысл во всех случаях один и тот же: идеальная форма правления мыслится как логически предшествующая, а низшие государственные устройства определяются по отношению к ней как отклоняющиеся или несовершенные.

Таким образом, существует тесная параллель с современными взглядами на коррупцию. Однако в греческом языке термин «разложение» (*pthora*) подразумевает фактическое разложение или распад. У Аристотеля “*pthora*” является стандартной философской противоположностью генезиса или «возникновения», а в «Политике» ее основное использование связано с обозначением разрушения конкретных государственных устройств [6, р. 26]. Сейчас метафора разрушения менее заметна. Мы говорим о коррупцированных режимах, не обязательно при этом подразумевая, что они появились вследствие разложения «здорового состояния» государства. В этом отношении коррупция ближе по смыслу к термину «отклоняющиеся», который сам Аристотель использовал для описания худших государственных устройств.

И для Платона, и для Аристотеля ключевой чертой, которой обладают идеальные режимы в результате правления мудрых и добродетельных правителей, является то, что они управляются в общих интересах. И наоборот, главной характеристикой, отличающей отклоняющиеся режимы от идеальных, является то, что их правители управляют в своих собственных интересах, а не в общих: «...только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих – все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей» [1, с. 456]. В «Государстве» воспитание опекунов и общинная жизнь приводят представителей всех сословий к тому, что они полностью подавляют всякое понятие личного интереса и находят свое личное удовлетворение в счастье целого [4, с. 208]. Разложение идеального государства и его падение до тирании через нисходящие стадии

моральной деградации можно рассматривать как постепенное утверждение личных интересов и отступление от приверженности общему благу. Аристотель придает еще большее значение разнице между стремлением к общему благу и личным интересом, делая это единственным критерием, определяющим различие между правильными и отклоняющимися государственными устройствами: «И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководствуясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства являются отклонениями» [1, с. 457].

Соотношение взглядов древнегреческих мыслителей на коррупцию с современными подходами

Аристотель выделяет три типа правильного государственного устройства: монархия (правление одного), аристократия (правление немногих) и полития (правление многих) – все для общей пользы. Но в политике большинство граждан способны лишь на ограниченные, военные добродетели [Там же], и государство становится несколько отклоняющимся государственным устройством, лучше, чем олигархия и демократия, но не совсем правильным и, следовательно, не полностью управляемым в общих интересах [Там же, с. 501]. Правление в общих интересах, а не в интересах правителей, является главным критерием, по которому правильное государственное устройство отличается от неправильного. Таким образом, учение Аристотеля о политической «девиантности» снова переключается с современным пониманием коррупции: в обоих случаях преследование личных интересов в ущерб общественным является отклонением от нормы.

Однако, несмотря на это, древние и современные взгляды на коррупцию имеют существенные отличия. Одно из таких отличий касается стремления к максимальному нивелированию коррупционных проявлений. В современном подходе коррупция рассматривается как исправимая, по крайней мере на системном уровне. Лучшие существующие режимы, такие как те, которые находятся на вершине таблицы «Индекс восприятия коррупции», ежегодно составляемой неправительственной международной организацией по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции в мире Transparency International (Трансперенси Интернешнл), считаются в значительной степени свободными от коррупции. Все понимают, что коррупция, как и преступность, никогда не будет полностью искоренена, но ее можно минимизировать, как это было во многих современных государствах. В частности, с точки зрения некоторых европейских стран, коррупция является главной проблемой для многих развивающихся стран.

Для Аристотеля, как и для Платона, все существующие режимы являются коррумпированными. Платон утверждал, что его философский город – недостижимый идеал, который вряд ли когда-либо будет реализован на практике. Аналогичным образом наилучшее государственное устройство Аристотеля, «для существования которого можно выдвинуть много предварительных условий в качестве желательных, но ни одно из них, разумеется, не должно быть неисполнимым» [Там же, с. 596] хотя в принципе достижимо, является воображаемым идеалом, а не реальной возможностью. Функция образа идеального государственного устройства состояла в том, чтобы обеспечить моральный контраст с реально существующими несовершенными вариантами государственных устройств, а не в том, чтобы сформулировать некую идеальную модель, к которой должны стремиться общество и обанкротившиеся государства в качестве условия получения займов от более богатых стран.

Вернемся к современным взглядам на коррупцию. Они, как уже отмечалось, делают акцент на незаконном удовлетворении личных интересов в ущерб интересам общества. Они устанавливают баланс между преследованием государственных и личных интересов и не требуют от правительств (или граждан) полной преданности общественным интересам. Напротив, Аристотель и Платон требовали абсолютной преданности интересам общества. Идеальные, некоррумпированные государства управляются идеально добродетельными правителями, которые полностью сосредоточены на общих интересах и никогда не допустят мысль о том, чтобы преследовать свои личные интересы в ущерб общественному благу. Правящие аристократы Аристотеля, конечно, имели свою личную жизнь и личные интересы, но поскольку они действовали политически, они были всецело преданы благу полиса. В этом отношении представления древних греков, хотя и более утопические, можно сказать, были более созвучны теории морального абсолютизма, выраженной в концепции чистого, некоррумпированного правительства.

С другой стороны, если такой эталон некоррумпированного правительства в принципе недостижим и все формы правления так или иначе коррумпированы, то зачем вообще говорить о разнице в уровне коррупции между коррумпированными и некоррумпированными режимами, например между Данией и Сомали или между Новой Зеландией и Южным Суданом? Если все страны так или иначе коррумпированы, то какой смысл осуждать коррупцию?

Для Аристотеля, как и для Платона, тот факт, что все существующие режимы являются отклонениями от правильных форм правления, потому что во всех интересы правителей стоят на первом месте, не означает, что все они отклоняются одинаково. Платон, и особенно Аристотель, были заинтересованы в определении различных степеней отклонений реальных форм правления от идеальной. То есть модель идеального, правильного государства использовалась не только для того, чтобы критиковать все существующие режимы как априори неполноценные, а для того, чтобы обеспечить некий стандарт, по которому существующие режимы можно было бы оценивать по степени их отклонения от этого стандарта. Здесь ключевым фактором являлось верховенство закона. Все правители могут быть эгоистичными, будь то одиночные правители (тирания),

немногие богатые (олигархия) или бедное большинство (демократия). Но их правление могло быть лучше или хуже, в зависимости от того, были ли они вынуждены действовать в рамках закона или были свободны следовать своим желанием. Платон наиболее убедительно показывает это в «Государстве» в контексте аргументации, призванной подчеркнуть как слабые, так и сильные стороны верховенства права. Закон несовершенно, потому что он никак не может со всей точностью и справедливостью охватить то, что является наилучшим для каждого и это ему предписать [4, с. 743]. Настоящий профессионал, такой как квалифицированный врач, не связан инструкциями, а оценивает каждый случай на основе индивидуального суждения. Так и истинные политики – философы-правители – не будут связаны общими законами, но будут судить о каждом вопросе по его существу. Однако, в то время как ограниченность закона обуздывает мудрость философа, она также служит сдерживанию эгоизма обычного правителя. Низшие режимы, которые не имеют философов в качестве своих правителей, но управляются в соответствии с законом, все выше тех, где правители могут править так, как они хотят [Там же, с. 745]. Тема ценности верховенства закона в обуздании личных интересов правителей гораздо более подробно развита в диалоге «Законы» и продолжена Аристотелем, который использует ее в качестве основного критерия при различении умеренных и более крайних вариантов отклоняющихся форм правления. Аристотель признает, что закон может создавать проблемы, а также что сами законы могут быть несправедливыми, если они являются продуктом несправедливого режима: «...ясно только одно – законы должны быть согласованы с тем или иным видом государственного устройства. А если так, то, очевидно, законы, соответствующие правильным видам государственного устройства, будут справедливыми, законы же, соответствующие отклонениям от правильных видов, будут несправедливыми» [1, с. 467]. Тем не менее, законное правление в целом лучше, чем незаконное, потому что все законы являются общими и, следовательно, в некоторой степени беспристрастными и ограничивают личные интересы правителей. Обычные же люди, принимающие решения в конкретных случаях, могут руководствоваться чувствами дружбы или ненависти, эмоциями и т.п. Этот аргумент содержится в известном высказывании Аристотеля о том, что «закон – это свободный от безотчетных позывов разум» [Там же, с. 481]. Таким образом, в каждом случае наиболее крайние и худшие формы олигархии, демократии и тирании характеризуются отсутствием верховенства закона, тогда как более умеренные и более устойчивые управляются в соответствии с законом [Там же, с. 500].

Аргумент Аристотеля в пользу верховенства права зависит не столько от содержания законов, сколько от природы любого закона. Действительно, все законы в отклоняющихся режимах неизбежно искажены в интересах правящей группы. Например, законы в олигархии всегда будут благоприятствовать богатым и имущим и всегда будут наказывать бедных и неимущих. Но, по крайней мере, с богатыми будут обращаться одинаково, и правители не смогут принимать непредсказуемые, спонтанные решения в отношении олигархов исходя из личных интересов. Верховенство закона заключается в том, что любой закон, применяемый беспристрастно, должен уменьшать, хотя и не уничтожать, личные выгоды, которые правители извлекают из принятых тех или иных решений.

В данном случае прослеживается параллель с современными представлениями о коррупции, в которых законность или верховенство закона иногда воспринимаются как определяющая черта для существования общества без рассматриваемого социального недуга. Коррупция часто приравнивается к нарушению закона ради получения личной выгоды. Поэтому борцы с коррупцией всегда акцентируют внимание на уважении к верховенству закона. Однако, как уже отмечалось ранее, такая концепция коррупции довольно сомнительна, так как она не предусматривает, какие виды корыстных действий следует считать коррупционными и, следовательно, незаконными. То есть концепция коррупции, основанная на верховенстве закона, уязвима для обвинений в моральном релятивизме, так как она не дает однозначного ответа на вопрос – что считать коррупцией?

Аристотель, однако, избегает этой трудности, потому что он предполагает, что все режимы, законные и незаконные, являются отклоняющимися и несправедливыми, хотя и в разной степени. Он не пытается провести черту между некоррупцированными и коррупцированными режимами или между справедливыми и несправедливыми законами. Поэтому он не сталкивается с проблемой формулировки независимого этического стандарта, существование которого подразумевается в современных взглядах на коррупцию. Перед ним стоит более скромная цель – просто обозначить средство, с помощью которого можно смягчить негативные последствия коррупцированного правления. Эгоистичные правители, ограниченные законом, будут меньше отклоняться от стандарта правильного правления и причинять меньше вреда, чем те же правители, наделенные абсолютной властью. Таким образом, верховенство закона не обременено никакими моральными коннотациями, связанными с концепцией некоррупцированного правительства. В этом случае вопрос о том, хороши или плохи те или иные законы, можно смело оставить в стороне. Главное заключается в том, что соблюдение любого закона, хорошего или плохого, будет лучше и менее коррупцированным, чем меньше он дает возможности эгоистичным правителям пренебрегать этим законом по своему желанию.

Аристотель весьма прагматичен в своих советах о том, как лучше всего обеспечить, чтобы члены правящих групп правили в соответствии с законом. Общая приверженность ценностям режима является ключевым компонентом, который должен быть достигнут через соответствующее воспитание: «Но самое важное из всех указанных нами способствующих сохранению государственного строя средств, которым ныне все пренебрегают, – это воспитание в духе соответствующего государственного строя. Никакой пользы не принесут самые полезные законы, единогласно одобренные всеми причастными к управлению государством, если граждане не будут приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны, а именно

если законы государства демократические – в духе демократии, если олигархические – в духе олигархии; ведь если недисциплинирован один, недисциплинированно и все государство» [Там же, с. 551]. Но не менее важны и социально-экономические факторы. Важно, когда собственность, не слишком большая, а умеренная, находится в руках большинства; собственники в силу этого имеют возможность принимать участие в государственном управлении; а поскольку число таких людей велико, то верховная власть неизбежно находится в руках не людей, но закона. Ведь в той мере, в которой они далеки от монархии, – если их собственность не столь значительна, чтобы они могли, не имея забот, пользоваться досугом, и не столь ничтожна, чтобы они нуждались в содержании от государства, – они неизбежно будут требовать, чтобы у них господствовал закон, а не они сами [Там же, с. 500]. Верховенство закона находится под наибольшей угрозой либо со стороны очень состоятельных, имеющих досуг, чтобы использовать Правительство для дальнейшего обогащения, либо со стороны крайне неимущих городских бедняков, у которых также есть время и стимул принимать решения в своих собственных интересах. С другой стороны, людям со средним достатком обычно можно доверять как наиболее законопослушным [Там же, с. 508].

Утверждение Аристотеля о роли закона в снижении уровня политической коррупции не дает нам понимания определяющего признака коррупции. Но, тем не менее, это может быть важным для современных дискуссий о коррупции. Здесь можно провести параллель с современным подходом к борьбе с коррупцией, когда акцент делается на недопущении нарушения чиновниками законов ради личной выгоды. И задача состоит в том, чтобы те, кто находится у власти и несет ответственность, придерживались буквы закона, а не поддавались искушению нарушить его ради собственной выгоды. Именно по этой причине многие современные описания коррупции говорят о беззаконии как об определяющей черте данного социального явления. Таким образом, взгляды древнегреческих мыслителей схожи с современными теориями в аспекте важности правления в рамках существующего закона, каким бы он ни был. Только древние греки рассматривали это, скорее, как возможность уменьшения неизбежной коррупции или девиантности любого правительства, в то время как в современном понимании вопрос законности делает акцент на разнице между коррумпированными и некоррумпированными правительствами.

Заключение

В заключение отметим, что существует достаточно оснований для критики современных подходов понимания коррупции, так как они либо не дают ясного представления о том, что следует считать коррумпированной/некоррумпированной политикой, либо, если они пытаются это сделать, используют моралистический подход к тому, что на практике является балансом между личными и общими интересами. Взгляды Аристотеля выдерживают такую критику, так как он применяет термин «коррупция» ко всем режимам и не использует его для проведения границы между более или менее коррумпированными. Коррупция становится имманентным свойством всех существующих режимов.

Необходимо принять во внимание, что все вышесказанное относится к формам правления в целом, к попыткам отличить коррумпированное государство от некоррумпированного. Однако коррупцию можно рассматривать и на индивидуальном уровне, с точки зрения отдельного политика или чиновника, который может нарушать или не нарушать закон ради личной выгоды. В этом контексте язык моральных абсолютов более уместен. Мы часто говорим о людях «безупречной честности», которые никогда не «переступят черту», чтобы совершить коррупционный акт. В таких индивидуализированных контекстах, оценивая поведение отдельных чиновников, черно-белые морализаторские описания, такие как «честный» или «коррумпированный», являются вполне приемлемыми. Они указывают на то, что существуют важные этические стандарты, которым чиновник обязан соответствовать. Более того, нарушение таких стандартов ради личной выгоды означает предательство общественного доверия.

Необходимо обратить внимание на то, что суждение о коррупции на индивидуальном уровне, хотя и сформулированное в самых строгих моральных терминах, очень зависит от контекста. Это не означает, что человек, о котором идет речь, полностью аморален или, что более важно – люди, не уличенные в коррупционных проявлениях, являются образцами морального поведения, полностью посвятившими себя общему благу. Все это означает, что конкретный индивид всего лишь не соответствует определенному набору профессиональных этических требований и поэтому виноват. Аристотель считал, что поведение, о котором идет речь, в меньшей степени связано с индивидуальными моральными качествами, но в большей степени является вопросом социальных норм. Для нормального человека избегание коррупции – это не подвиг, а скорее базовый уровень честности, ниже которого оказываются только очень слабые или испорченные люди.

Таким образом, суждения о коррупции отдельных лиц являются менее проблематичными, чем суждения о коррупции в целом. Конечно, коллективная оценка коррупции может быть сделана с точки зрения масштабов индивидуальной коррупции. Одна страна может считаться менее коррумпированной, чем другая не потому, что ее правительство больше озабочено общим благом, а потому, что меньше политиков и чиновников участвуют в коррупционных схемах. Именно по этой причине определения коррупции так часто концентрируются на фактическом нарушении закона, потому что они больше подходят для конкретного случая, чем для общества в целом.

Есть те, кто воспринимают уровень коррумпированности страны как некое моральное суждение о деятельности правительства в целом, включая то, как оно обеспечивает баланс между частными интересами и общим благом. В этом случае, как показывает приведенный выше анализ взглядов древнегреческих мыслителей, от коррупции как от критерия для сравнения политических режимов, возможно, следует отказаться вообще, так как для этих сравнений мы должны иметь эталонный образец правительства, в котором соблюдение общих интересов всегда важнее частных. А это в принципе невозможно. Поэтому использование данного основания одними правительствами для критики других выглядит как минимум не совсем убедительно. Более того, обвинение в коррупции влечет за собой обвинение в аморальности, что не всегда правильно. Другими словами, когда коррупция достигает определенного уровня распространенности, она может трансформироваться в нечто иное, например, в отсутствие верховенства закона или дефицит подотчетности государственных служащих. И это в большей степени зависит от институциональных и структурных недочетов, чем от моральной деградации.

Перспективы исследования – более детальное изучение ретроспективных концепций коррупции для лучшего понимания данного социального явления на современном этапе развития общества.

Список источников

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / под общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
2. Бондаренко С. В. Коррумпированные общества. Ростов-на-Дону: Госиздат, 2002. 378 с.
3. Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. М.: Центр ЮрИнфоР, 2000. 310 с.
4. Платон. Диалоги. Книга вторая. М.: Эксмо, 2008. 1360 с.
5. Римский В. Л. Коррупционные сети. Гражданские инициативы и предотвращение коррупции. СПб.: Норма, 2000. 567 с.
6. Bonitz H. Index Aristotelicus. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1955. 878 p.
7. DeLeon P. Thinking about political corruption. Armonk - L.: M. E. Sharpe, 1993. 243 p.
8. Heidenheimer A. J. Political Corruption: Readings in Comparative Analysis. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1970. 582 p.
9. Heywood P. Political corruption: Problems and perspectives // Political Studies. 1997. Vol. 45. Iss. 4. P. 417-435.
10. Nozick R. Anarchy, state and utopia. N. Y.: Basic Books, 1974. 361 p.
11. Philp M. Defining political corruption // Political Studies. 1997. Vol. 45. Iss. 3. P. 436-462.

Информация об авторах | Author information

Везломцев Виктор Евгеньевич¹, к. филос. н., доц.

¹ Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань

Vezlomtsev Viktor Evgenievich¹, PhD

¹ Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan

¹ ve.vezlomtsev@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.03.2021; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): политическая коррупция; мораль; Античность; Платон; Аристотель; political corruption; morality; Antiquity; Plato; Aristotle.